КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Іюля. № 13. 1874 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО [1])

въ день 8 мая св. Апостола Евангелиста Іоанна Богослова, отданія праздника Пасхи и тезоименитства Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Арсенія.

Въ настоящій праздничный день православная церковь богослуженіемъ своимъ сугубо назидаетъ насъ ученіемъ о любви. Воспоминая о возлюбленномъ ученикѣ Христовомъ св. апостолѣ и евангелистѣ Іоаннѣ Богословѣ, она представляетъ въ немъ высокій образецъ любви, какою проникнутъ былъ самъ онъ и все его ученіе; заканчивая празднованіе всерадостнаго Воскресенія Христова, она съ распростертыми объятіями взываетъ къ намъ: »обымемъ братіе другъ друга, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ«, и тѣмъ самымъ напоминаетъ о той любви, какую Господь оказалъ намъ въ крестныхъ страданіяхъ своихъ, и какую завѣщалъ послѣдователямъ своимъ. Наконецъ, узаконивши помнить и чтить своихъ пастырей, и бдительно слѣдя за соблюденіемъ этой заповѣди, она внушаетъ намъ приложить это узаконеніе къ настоящему дню—дню

[1]) Протоіерея В. Т. Каменскаго.

тезоименитства любимаго и любящаго архипастыря нашего высокопреосвященнѣйшаго митрополита Арсенія, матерински взывая къ намъ: »поминайте наставники ваша«, и конечно, благословитъ насъ, празднующихъ тезоименитство архипастыря нашего, за наше сыновнее послушаніе гласу ея и за нашу сыновнюю любовь къ нашему архипастырю. Естественно и свойственно православной церкви, созданной и утвержденной могуществомъ любви Божественной, всегда исполненной истинной любви, и чадамъ своимъ, подобно сердобольной матери, внушать любовь и для вѣрнаго успѣха сугубо и настоятельно назидать ихъ ученіемъ о любви. Матерински заботясь и о временномъ благополучіи чадъ своихъ, и о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, она воспитываетъ ихъ такимъ ученіемъ, которое бы, научая достойно проходить званіе гражданъ царства благодатнаго, приготовило ихъ въ достойныхъ гражданъ Сіона небеснаго. А такое благотворное ученіе и есть ученіе о любви. Празднуемый нынѣ св. апостолъ Іоаннъ Богословъ такъ любилъ это ученіе, что подъ конецъ своей жизни, когда уже слабость голоса не позволяла ему произносить продолжительныхъ поученій, только и повторялъ ученикамъ своимъ: »дѣти, любите другъ друга«; на вопросъ учениковъ, почему онъ такъ часто повторяетъ одно и тоже наставленіе, Іоаннъ отвѣчалъ: »это заповѣдь Господа, въ ней заключается все Его ученіе«. Понятно, почему и церковь православная такъ часто и настоятельно предлагаетъ чадамъ своимъ ученіе о любви. Даже не обинуясь можно сказать, что все ея ученіе, какое только слышимъ отъ ней, есть ученіе о любви. Воспитанныя такимъ ученіемъ, чада церкви преуспѣваютъ премудростію и благодатію у Бога и у людей, умудряясь во спасеніе свое и другихъ.

Въ благихъ попеченіяхъ церкви о спасеніи чадъ своихъ и о вѣчномъ ихъ блаженствѣ первое—ввести ихъ въ познаніе единаго истиннаго Бога, и Его-же послалъ Онъ въ міръ, Единороднаго Сына Его Господа нашего Іисуса Христа: *се есть животъ вѣчный* (Іоан. 17, 3). Такое познаніе заимствуетъ она изъ откровеннаго ученія, въ которомъ открылъ Богъ безвѣстная и тайная премудрости своея (Псал. 50, 8); заимствуетъ изъ окружающей насъ видимой природы, въ которой на каждомъ шагу отпечатлѣны премудрость и благость Творца и Промыслителя, гдѣ вѣ твари вѣщаютъ о Богѣ: *той сотвори насъ;* заимствуетъ изъ собственной нашей природы, которая не менѣе всей видимой вселенной показываетъ намъ высочайшія совершенства Творца, даже открываетъ намъ образъ и подобіе Божіе, словомъ: представляетъ чадамъ своимъ все, что только можетъ послужить къ познанію Бога и Его премудраго и непостижимаго промышленія Но познаніе Бога тогда только бываетъ въ насъ совершенно и дѣлается плодотворнымъ, когда оно становится не простымъ созерцаніемъ ума мыслящаго, а живымъ ощущеніемъ сердца любящаго. Правда, познаніе Бога служитъ основаніемъ любви, ибо нельзя любить того, чего не знаешь, но и то несомнѣнно, что познаніе получаетъ большую силу и совершенство отъ всей любви; во многихъ случаяхъ она болѣе видитъ, чѣмъ умъ созерцающій; восполняетъ то, чего недостаетъ въ его созерцаніяхъ, уясняетъ то, что ему представляется не такъ ясно: слухъ и глаза любви очень проницательны. Богъ любы есть, и потому любовь и познаетъ Его какъ должно; самъ Богъ, такъ сказать, открывается любящему сердцу, отражаясь въ немъ, какъ солнце въ каплѣ чистой воды. *Аще кто любитъ Бога, сей познанъ бысть отъ него*

(1 Кор. 8. 3). Ученики Іисуса Христа при вѣсти о воскресеніи Его еще недоумѣвають, кто отъ страха, кто отъ радости, даже при видѣ вещественныхъ доказательствъ воскресенія не могутъ освободиться отъ смущающаго ихъ недоумѣнія; а возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ при видѣ плащаницы и сударя, оставшихся на мѣстѣ, идѣже бѣ лежало тѣло Іисусово, убѣдился въ дѣйствительности воскресенія Господа: *и видѣ и вѣрова*. Тотъ же апостолъ на морѣ тиверіадскомъ первый узналъ явившагося Господа, тогда какъ другіе при тѣхъже условіяхъ *не познаша яко Господь есть*.

Истинная любовь всегда имѣетъ удивительное предчувствіе. Движенія любящаго сердца предупреждаютъ соображенія разсудка, и когда послѣдній еще колеблется между сомнѣніемъ и вѣдѣніемъ, первое уже видитъ, и если не высказываетъ своего вѣдѣнія, то потому, что ее удерживаетъ разсудокъ. Лука и Клеопа на пути въ Эммаусъ сходятся съ воскресшимъ Господомъ, бесѣдуютъ съ Нимъ о недавнемъ изумительномъ событіи, слышатъ отъ Него поясненіе пророчествъ, не смотря на это они не познаютъ Его, хотя сердце ихъ уже горитъ при слышаніи рѣчей Божественнаго собесѣдника, услаждаясь явленіемъ Его и животворнымъ словомъ исходящимъ изъ устъ Его. *Богъ любы есть, и пребываяй въ любви въ Богѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16). Любящее сердце постоянно обращено къ своему предмету—Богу, въ которомъ его жизнь, и Богъ взаимно снисходитъ къ нему своею благодатію, предупреждаетъ его, и удостоиваетъ видѣнія. Марія Магдалина съ прочими женами, движимыя любовію къ возлюбленному Господу и Учителю, идутъ совершить послѣдвій долгъ любви надъ умершимъ—помазать

ароматами тѣло погребеннаго Господа, не смотря на то, что входъ въ пещеру закрытъ большимъ камнемъ, въ чемъ сами видятъ непреодолимое затрудненіе, и однако спѣшатъ къ цѣли, и какое блаженство! первыя удостоиваются слышать радостное ангельское благовѣстіе о воскресеніи Господа, сподобляются лично видѣть воскресшаго, слышать отъ него утѣшительное—*радуйтеся*, и первыя удостоились быть благовѣстницами воскресенія Христова, между тѣмъ какъ прочіе ученики Христовы, соблюдая осторожность, и опасаясь быть увлеченными какимъ либо искушеніемъ, томились неизвѣстностію, ожидая личнаго видѣнія Воскресшаго, и осязательнаго общенія съ нимъ. Такъ дѣйственна любовь, не воспящаемая соображеніями холоднаго разсудка! Нѣтъ въ ней ни страха, ни опасеній, ни сомнѣній: любовь вездѣ и во всемъ надѣется видѣть любовь,—въ томъ ея существо; самая жизнь подъ господствующимъ вліяніемъ любви лучше жизни подъ преобладающимъ вліяніемъ разсчетливаго разсудка.

Давно Духъ Святый устами пророка Давида провозвѣстилъ, какъ хороша жизнь, при взаимной любви и братскомъ единодушіи! *что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ!* Это условіе благоденственной жизни было и въ волѣ Творца при сотвореніи человѣка: для того и приходилъ на землю Сынъ Божій, чтобы водворить на ней миръ и въ людяхъ утвердить единомысліе въ союзѣ мира и любви; и первенствующая церковь Христова представляла высокій образецъ такой жизни. Она и теперь непрестанно заботится о томъ, чтобы мы жили въ любви не лицемѣрной, убѣждая насъ къ тому примѣромъ безпредѣльной любви Божіей къ намъ, по коей Богъ Отецъ не пощадилъ Единороднаго Сына своего для спасенія нашего, Сынъ Божій

пріялъ крестную смерть, чтобы намъ даровать жизнь вѣчную; убѣждая, наконецъ, благоденствіемъ самой жизни, которое зиждется только общимъ согласіемъ и единомысліемъ, указывая при томъ на пагубныя послѣдствія распрей и враждебныхъ раздѣленій. Въ этихъ видахъ церковь, какъ благоустроенное общество, мудрымъ распоряженіемъ указываетъ каждому члену подобающую степень и соотвѣтствующее значеніе,—непремѣнно вліятельное; установила законныя отношенія, проникнутыя духомъ любви, которая къ высшимъ выражается въ видѣ почтенія, уваженія, покорности; къ равнымъ—въ видѣ искренняго дружества, пріязни,—къ низшимъ въ видѣ ласки, снисхожденія, привѣтливости: словомъ любовь по свойственной ей изобрѣтательности, во всякомъ случаѣ является въ соотвѣтствующемъ каждому видѣ.

Братіе христіане! Кому изъ насъ не извѣстна забота чадолюбивой матери нашей православной церкви о томъ, чтобы мы жили мирно и въ единомысліи? Кому не понятно благое и могущественное вліяніе любви на жизнь нашу какъ частную, такъ и общественную? Кому не дорого святое чувство любви? и однако, кто его не заглушаетъ? Извѣстенъ намъ и виновникъ вражды и распрей—исконный врагъ нашъ—діаволъ! Уже одно имя его должно бы удерживать насъ отъ вражды и предостерегать отъ гнѣва на ближняго своего! Лучшіе члены церкви съ сердечнымъ сожалѣніемъ относились къ оскорблявшимъ ихъ, приписывая вину озлобленія общему врагу человѣческаго рода, даже молились за враговъ своихъ, чтобы Господь не поставилъ имъ этого въ грѣхъ; самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ молился на крестѣ за враговъ своихъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ.*

Будемъ же братіе и мы достойными сынами царства Христова,—царства мира и любви; научимся благимъ побѣждать злое; благодатною теплотою любви матери нашей церкви согрѣемъ сердца свои; св. чувство это и въ будущей вѣчной жизни будетъ съ нами жить. Аминь.

ЭЧЬМІАДЗИНЪ-МОНАСТЫРЬ,

первопрестольная святыня армянъ-Григоріянъ.

(Великая суббота и Свѣтлое Воскресенье 21 и 22-го Апрѣля 1834 г.)

(изъ дневника очевидца.)

Въ половинѣ перваго часа по полудни въ субботу 21-го Апрѣля, мы въ четверомъ: переводчикъ, двое проводниковъ и я, поѣхали верхами, отъ Эривани, изъ дому начальника Армянской области князя В. О. Бебутова, въ Эчьміадзинъ. На третьемъ часу ѣзды по аракской долинѣ, мы завидѣли этотъ древній, знаменитый во всѣ времена и нынѣ, монастырь-палладіумъ національности Армянъ со времени упраздненія Армянскаго царства. Араратъ оставался отъ насъ влѣвѣ, еще верстахъ въ сорока. Подъѣхавъ къ монастырю, мы сошли съ лошадей у воротъ первой крѣпостной монастырской стѣны, и потомъ до второй стѣны шли пѣшкомъ темными рядами лавокъ. Лавки некрасивы; всѣ онѣ подъ наметами изъ рогожъ. Когда мы вошли въ монастырскую ограду, намъ тотчасъ отвели комнату, а чрезъ полчаса пригласили къ патріарху Іоаннесу. Его святѣйшество при-

нялъ меня какъ чиновника, состоявшаго при главноуправляющемъ въ Грузіи, и переводчика со мною, въ аудіенцъ залѣ при двухъ архіепископахъ и одномъ діаконѣ, съ обыкновенными по мѣстнымъ обычаямъ привѣтствіями, изъявлялъ удовольствіе по случаю моего посѣщенія, славилъ русское правительство за спокойствіе, какимъ пользуется монастырь съ 1827 года, и вскорѣ потомъ извинился, что не можетъ болѣе оставаться съ нами: ему пора идти къ обѣднѣ. Тогда было ровно четыре часа по нашему счету. Я въ слѣдъ за патріархомъ также отправился въ соборную церковь, взявъ съ собою переводчика. Служба началась чтеніемъ по армянски пророчествъ Исаіи и Іеремія. Читали по перемѣнно архимандриты. Потомъ, пророчества Даніила читали двадцать минутъ, наизусть, мальчики, одѣтые въ стихари, держа въ рукахъ образа. Послѣ того совершалась самая свѣтлая литургія, однимъ архіепископомъ, отправляемая по ихъ церковному уставу вездѣ у армянъ въ канунъ на Воскресенье, т. е. вечеромъ въ субботу. Въ продолженіи ея патріархъ то сидѣлъ, то стоялъ. —Обѣдня Армянской церкви во многихъ отношеніяхъ сходствуетъ съ Греческою; разность, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что вскорѣ по началѣ—евангеліе, за тѣмъ символъ вѣры, а потомъ совершеніе даровъ. По окончаніи литургіи пропѣли »Христосъ Воскресе« и всѣ предстоявшіе пошли изъ церкви за патріархомъ въ общую трапезу.

Трапеза есть длинная комната въ родѣ полуподвала, потому что половина стѣнъ въ высоту ея въ землѣ; въ ней въ крайнемъ случаѣ, можно скрыться отъ непріятеля. Внутри вмѣсто потолка, сводъ, а по длинѣ устроены въ два ряда въ трапезѣ, узкіе столы и при нихъ у каждаго стола съ одной стороны, лавки; тѣ и другія каменныя. У входа въ

трапезу, впереди столовъ, патріаршее мѣсто, подъ балдахиномъ. Оно отчасти похоже на патріаршее мѣсто въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, но только не на возвышеніи, а на самомъ полу трапезы. Мѣсто и балдахинъ тоже изъ камня. Столы были накрыты бахтою; на каждомъ мѣстѣ лежалъ, вмѣсто прибора, лавашъ (большой тонкій блинъ, сложенный въ нѣсколько перегибовъ, замѣняющій хлѣбъ), и свѣча желтаго воску. Въ трапезу шли впереди всѣхъ, архіепископъ Василій, совершавшій литургію, со святынею въ предшествіи пѣвчихъ; за ними-патріархъ, всё духовенство, и въ заключеніе—міряне. Патріархъ остановился на своемъ мѣстѣ подъ балдахиномъ; прочіе вошли къ лавкамъ за столы. Всѣхъ присутствующихъ тутъ было въ этотъ разъ человѣкъ до ста. Началось пѣніе, что выполняли мальчики. Послѣ патріархъ провозгласилъ благословеніе, поздравилъ предстоявшихъ съ праздникомъ, и всѣ сѣли за столами на лавки; каждый зажегъ лежавшую предъ нимъ восковую свѣчу, воткнувъ ее въ лавашъ. Сальныя свѣчи въ подсвѣчникахъ стояли рѣдко и то лишь въ верхнемъ концѣ столовъ ближе къ патріарху. Трапезованіе началось красными яйцами, которыя каждому раздавали повара съ деревянныхъ лотковъ. Послѣ того подавали молочное кушанье и нѣсколько блюдъ съ кушаньемъ изъ жареной зелени, и рыбу и вареную и жареную, всего блюдъ съ десять. Нѣкоторыя яства, именно: нарѣзанный ломтиками, въ видѣ сыра, творогъ, повара раскладывали на тарелки, каждому, голыми руками. Послѣ третьяго блюда, неотлучный отъ патріарха поддіаконъ ударилъ желѣзнымъ прутикомъ въ звонокъ, висящій надъ святѣйшескимъ мѣстомъ; всѣ встали, и патріархъ возгласилъ снова благословенную молитву и вторично поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ, выпивъ самъ

вина изъ чарки. Послѣ сего повара начали подносить каждому такое же вино въ фаянсовыхъ чашечкахъ на блюдцахъ, похожихъ формою на наши глиняныя плошки. Лучшимъ по вкусу блюдомъ показалось мнѣ нѣчто въ родѣ яичницы изъ яицъ, съ зеленью; рыба была тоже порядочная. Блюдо послѣднее предложено было — пловъ или пилавъ, изъ одного срацинскаго пшена съ масломъ. Кушанье подавали въ мѣдной, вылуженной посудѣ; но передо мною былъ поставленъ европейскій приборъ, съ салфеткою, и питье въ двухъ карафинахъ, въ одномъ вода, въ другомъ бѣлое вино, какое и всѣмъ разносили.. По окончаніи трапезованія, патріархъ отошелъ въ свои внутреннія комнаты; я же остался на дворѣ, и съ полчаса гулялъ съ архіепископомъ Іосифомъ. Послѣ мы оба вошли въ патріаршія комнаты. Тогда уже стемнѣло, и предъ окнами, у которыхъ стояли мы, эриванскіе татары зажгли на дворѣ фейерверкъ изъ нѣсколькихъ ракетъ и колесъ, которые, впрочемъ, вертѣлись дурно. Фейерверкъ этотъ принадлежитъ ко множеству разныхъ сюрпризовъ, подъ благовидностію которыхъ Гассанъ-ханъ Эриванскій до 1827 года и его предшественники на ханствѣ, сбирали съ монастыря деньги. Ханъ обыкновенно присылалъ къ Свѣтлому празднику, для поздравленія патріарха, фейерверкъ, и за него надобно было платить хану деньги. Время такъ укоренило обычай, что съ 1827 г. хановъ уже нѣтъ; но Эриванскіе мусульмане продолжаютъ по прежнему поздравлять главу армянской церкви, такою же потѣхою, отъ своего лица. Въ заключеніе фейерверка былъ сожженъ драконъ, имѣвшій видъ бумажнаго ящика, съ шутихами съ наружи и съ головою, тоже бумажною, которая двигалась какъ голова алебастровой кошки, (дѣтская игрушка). Въ такомъ драконѣ-ящикѣ стоялъ татаринъ и бѣгалъ съ нимъ

мимо патріаршихъ оконъ, шатая головою дракона; въ рукахъ имѣлъ онъ два жезла, начиненные горючимъ составомъ, и изъ каждаго съ обоихъ концевъ извергался лучеобразно огненный дождь. Всѣ находившіеся въ монастырѣ смотрѣли на это съ особеннымъ удовольствіемъ. Сказавъ нѣсколько словъ съ патріархомъ, я простился съ нимъ и пошелъ къ архіепископу Іосифу, куда вскорѣ явился къ намъ и архимандритъ Стефанъ, бывшій лѣтъ съ десять въ Россіи секретаремъ при архіепископѣ Нерсессѣ въ Бессарабіи (въ послѣдствіи патріархѣ). Въ настоящее время (въ 1834 г.) Стефанъ занималъ туже должность при Іоаннесѣ. Намъ подали у Іосифа закуски: кишмишъ, шапталу, миндаль и красное вино. На мое замѣчаніе о сходствѣ армянскихъ церковныхъ обрядовъ съ грековосточными россійской церкви, Іосифъ сказалъ, что онъ и многіе изъ нихъ давно желаютъ соединенія церквей; но они въ духовенствѣ не главные, есть старшіе ихъ, и это зависитъ отъ послѣднихъ. Я спросилъ: не однѣ ли это слова? Іосифъ отвѣчалъ, что его слова имѣютъ чистѣйшее основаніе; имъ непріятно, что они не могутъ объясняться со мною по русски; благодарятъ Бога, что съ 1827 года живутъ свободно, и свободно исполняютъ обряды церкви; прежде же въ день свѣтлаго разговѣнья, нужно было у воротъ первой крѣпостной стѣны монастыря ставить сторожей, на случай, не покусились бы мусульмане вторгнуться: такъ какъ они знаютъ, что къ празднику стекается въ монастырь много народа и иногда приходятъ изъ отдаленныхъ мѣстъ богатые Армяне.

Въ свѣтлое воскресенье, за два часа до свѣту, началась утреня, причемъ присутствовалъ и патріархъ. Эта служба менѣе литургіи сходствуетъ съ нашей свѣтлой утреней. Кончилась она уже когда разсвѣло. Тогда началась

особенная служба всѣмъ соборомъ, сослужившимъ съ патріархомъ, и ее совершали не внутри храма, а на площадкѣ предъ папертью, гдѣ, въ лѣтнее время, нерѣдко отправляютъ, кромѣ литургіи, всѣ прочія службы. Въ настоящемъ случаѣ, въ концѣ службы, духовенство и клирики пѣли праздничныя стихиры, обращаясь лицами ко всѣмъ четыремъ странамъ свѣта, и послѣ каждаго стиха, патріархъ съ соборомъ осѣнялъ благословеніемъ каждую страну. Синклитъ стоялъ полукружіемъ отъ патріарха, пѣвчіе позади его, напротивъ—два архидіакона, также образа, хоругви и напрестольные кресты.

Послѣ утрени я пилъ чай у отца Іосифа, разговаривая о ихъ церковныхъ обрядахъ. Въ 10 часовъ утра по нашему счету времени началась обѣдня, въ присутствіи патріарха. Его сопровождали въ церковь архіепископы, одѣтые въ полное служебное облаченіе. По окончаніи литургіи патріархъ шествовалъ изъ собора подъ балдахиномъ; за нимъ несли святыню и шло духовенство. Звонили въ колокола; монастырскіе люди стрѣляли изъ ружей, музыканты били въ барабаны и играли на дудкахъ. Шествуя, патріархъ бросалъ народу мелкую монету, и разбросалъ всего рублей на десять серебромъ. На террасѣ его святѣйшество остановился предъ окнами своего дома; тутъ было приготовлено разговѣнье: красныя яица, свинина и сыръ. Патріархъ сѣлъ на свое мѣсто; слуги поднесли къ нему на блюдахъ яица, и предстоявшіе всѣ поочередно начали подходить къ нему подъ благословеніе и поздравлять съ праздникомъ. Каждому онъ давалъ яйцо. Это кончилось,—тогда патріархъ всталъ, прочиталъ молитву, провозгласилъ здравіе Царствующему Дому, князю варшавскому, барону Розену (бывшему въ то время главно-управляющему въ закавказскомъ краѣ) и соб-

ственнымъ примѣромъ разрѣшилъ предстоявшихъ начать ястіе, причемъ монастырскіе люди сдѣлали еще по выстрѣлу изъ ружей. Послѣ перваго блюда патріархъ опять всталъ, прочиталъ молитву и выпилъ виноградпаго соку; за нимъ сдѣлали тоже и всѣ присутствовавшіе.—Завтракъ продолжался минутъ двадцать пять.—Потомъ патріархъ удалился въ свои покои, а я съ Іосифомъ, до святѣйшескаго обѣда, къ которому былъ приглашенъ, пошли гулять по крышѣ патріаршаго дома. Тутъ отецъ Іосифъ, какъ человѣкъ ловкій, знакомый съ практикою жизни, долго расказывалъ мнѣ о своихъ воинскихъ подвигахъ въ 1827 году, какъ князь варшавскій 156 разъ (!) поцѣловалъ его въ лобъ, и какъ, въ санѣ монаха, ему доводилось разъ съ пять переодѣваться въ свѣтское грузинское платье, облекаться въ оружіе и убить болѣе пятерыхъ персіянъ. Если разсказъ отца Іосифа не измѣнился отъ времени въ истинѣ, то онъ дѣйствительно могъ оказать услуги и нашимъ войскамъ и монастырю, когда въ немъ помѣщался лазаретъ нашей арміи. Чтобы удержать персіянъ и Аббасъ—мирзу отъ покушеній на монастырь до прибытія главнокомандующаго и генерала Красовскаго, Іосифъ навѣшалъ на зубцы крѣпостной стѣны солдатскіе кивера и фуражки и велѣлъ нѣсколькимъ человѣкамъ ходить сзади ихъ по крѣпостной стѣнѣ.

Въ три четверти двѣнадцатаго часа мы сѣли за обѣденный столъ, гдѣ былъ самъ патріархъ съ архіепископами Василіемъ, Григоріемъ, Іосифомъ, Лукою, Стефаномъ (архимандритомъ), купцомъ армяниномъ изъ Тавриза, пріѣхавшимъ къ празднику въ монастырь на поклоненіе, и родственникомъ патріарха, чиновникомъ 14 класса. Намъ подавали супъ, свинину, сыръ, рыбу, яица, зелень въ видѣ

соуса со сметаной, и красное вино изъ Тифлиса, какъ лакомый напитокъ. Послѣ обѣда отправились всѣ къ патріарху, и тамъ по приглашенію его, я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на коврѣ и пилъ кофе.—Затѣмъ мы разошлись отдыхать.

Въ четыре часа по полудни архіепископъ Василій, завѣдывавшій ризницею, показывалъ мнѣ монастырскія сокровища. Я видѣлъ съ восемь или съ десять патріаршихъ шапокъ; нѣкоторыя довольно богаты; украшены жемчугомъ, изумрудами величиною въ ноготь большаго пальца, яхонтами и другими каменьями. Священныхъ облаченій также не мало; нѣкоторыя ризы подарены монастырю отъ нашего Двора при Государынѣ Екатеринѣ II; другія отъ Двора персидскаго. Рисунки персидской парчи превосходны. Нельзя не удивляться, съ какимъ искуствомъ и какъ тонко вытканы узорчатыя эти парчи! Между священными утварьми замѣчательнѣйшія суть: *копіе* то́ якобы самое, какимъ былъ прободенъ на крестѣ Христосъ Спаситель. Величина его сполъ-аршина; оно желѣзное и разумѣется—проржавѣло. Въ срединѣ его вырѣзанъ крестъ, какъ нашъ св. Владиміра, и вырѣзка эта скрѣплена по угламъ другимъ крестомъ.—До св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, копіе сохранялось въ малой Арменіи, въ ванскомъ пашалыкѣ, у потомковъ князя Мушега (Армянина). Но по принятіи Армянами христіанства (въ IV вѣкѣ), оно перенесено въ Эчміадзинскій монастырь. *Рука св. Іакова*, племянника св. Григорія, обдѣланная въ серебрянный ковчегъ, имѣющій видъ руки, и при ней *часть дерева отъ Ноева ковчега*, которая—гласитъ преданіе—передана ангеломъ св. Іакову во время сна его на половинѣ Арарата, на̂ вершину коего шелъ онъ посмотрѣть ковчегъ. Въ продолженіе сна, нашедшаго на него отъ утомленія, св. Іаковъ видѣлъ Христа Спасителя, кото-

рый именемъ Божіимъ запретилъ ему идти далѣе, такъ какъ вершины Арарата никто изъ смертныхъ достигнуть не можетъ. Это-то преданіе утвердило Армянъ въ вѣрованіи, что вершина горы недоступна. *Мощи мученицы Грипсимы*, бѣжавшей въ Арменію изъ Рима, отъ преслѣдованія одного изъ императоровъ.

По словамъ отца Василія, съ недавняго только времени показываютъ стороннимъ церковную утварь. При владычествѣ надъ сими мѣстами персіанъ, всѣ вещи хранились въ потаенныхъ мѣстахъ соборнаго зданія, между каменьями, и эти мѣста были извѣстны немногимъ изъ первенствующихъ въ монастырскомъ духовенствѣ. Отъ прочихъ какъ и отъ стороннихъ, тщательно ихъ скрывали, изъ опасенія, чтобы не нашлось измѣнника, кто могъ бы указать сокровища персіанамъ.

Соборное строеніе имѣетъ въ длину внутри около 48 арш. въ ширину около 44 аршинъ. Надъ нимъ одинъ куполъ въ срединѣ. Отъ него идутъ на крестъ четыре свода, а между ними и куполомъ, тоже на крестъ, четыре арки, и потомъ четыре ниши подъ полусводами. Въ соборной церкви всего шесть престоловъ. Главный, въ срединѣ подъ куполомъ, и онъ то собственно Эчьміадзинъ (сошествіе единороднаго). Въ переднемъ фасѣ въ церквѣ три престола, а по сторонамъ отъ Эчьміадзина въ нишахъ—два престола. Къ каждому изъ послѣднихъ всходятъ по семи ступенямъ, сообразно числу монашескихъ степеней. Строеніе собора греческой архитектуры; снаружи имѣетъ пять главъ и одна изъ нихъ надъ колокольнею, построенною надъ западною папертью. Соборная церковь внутри украшена по стѣнамъ живописью греческою, которая неоднократно поновлялась. Вообще она похожа на живопись въ нашихъ старинныхъ

соборахъ. Но своды расписаны въ персидскомъ вкусѣ цвѣтами съ золотомъ, и очень хорошо, хотя мѣстами, отъ дождей, эта живопись полиняла. Говорятъ—при графѣ Гудовичѣ, занимавшіе монастырь персіяне устроили на крышѣ собора батарею, отъ дѣйствія коей и сдѣлались въ крышѣ трещины.

Въ монастырской библіотекѣ много книгъ и рукописей. До нашествія персіянъ библіотека была многочисленнѣе; но персіяне, турки и татары много забрали, и книги разбросаны или по государственнымъ книгохранилищамъ въ Тавризѣ и Тегеранѣ, и въ частныхъ рукахъ. Во время послѣдней войны двери въ библіотеку были заложены наглухо. Между прочими книгами мнѣ показывали библію и другія духовныя книги, писанныя на пергаментѣ со всею роскошью тогдашняго времени, и особую рукопись дѣяній, современныхъ св. Григорію.

Вечеръ былъ проведенъ мною у архіепископа Василія, куда пришли къ намъ и другіе архіепископы. Они опять завели рѣчь о давности ихъ желанія присоединиться къ грекороссійской церкви; говорили, что послѣдніе армянскіе цари рѣшительно думали о томъ, и сносились съ греческими императорами. Я замѣтилъ, что преобразованіе породитъ расколы: трудно сладить съ мужиками и съ сельскими священниками. Отецъ Василій на это замѣтилъ, что расколы вездѣ есть: а на послѣднія слова, онъ, вмѣсто отвѣта, взялъ себя за ухо и нагнулъ, желая показать тѣмъ необходимость принуждать непокорныхъ силою. Отецъ Василій готовился къ поѣздкѣ вскорѣ въ Константинополь, и изъ разговоровъ съ нимъ было замѣтно, что цѣль этой поѣздки есть новый армянскій патріархъ въ Сузѣ. Конечно, эчьміадзинскій конклавъ готовъ все сдѣлать, лишь-бы

возстановить духовное свое единовладычество. Я присовокупилъ, что венеціанскихъ монаховъ не такъ то легко будетъ преклонить. На это отецъ Василій отвѣчалъ, что хотя они слушаются папы; но какъ для армянъ вообще дѣлаютъ много полезнаго, то ихъ надобно оставлять въ покоѣ.

Четырехвѣковое владычество мусульманъ надъ Армянскою страною водворило персидскіе привычки и обычаи во всѣ виды жизни Эчьміядзинскихъ монаховъ. Сидятъ они у себя на коврахъ, войлокахъ или на другой какой нибудь подстилкѣ, на полу; живутъ въ небольшихъ кельяхъ; полъ со входа ниже пола комнаты; затѣмъ самая келья отдѣляется рѣшеткою, и въ ней, вмѣсто двери, проходъ въ келью между двумя стойками. У котораго монаха завелась европейская мебель—то она была въ весьма ограниченномъ числѣ вещей, и притомъ простая деревянная; но и такая мебель явилась только съ 1827 года. Чай, стаканы и чайные приборы есть у всѣхъ.

За подати, которыя монастырь ежегодно платилъ персіанамъ (исключая единовременныхъ подарковъ), персіане дѣлали иногда и пріятное для патріарховъ. Такъ одному изъ нихъ Шахъ подарилъ двѣнадцать служителей въ суконныхъ малиновыхъ кафтанахъ, при которыхъ они обыкновенно носили тоже малиноваго цвѣта исподнее платье и красные начулочники. Къ преимуществамъ патріарха принадлежитъ право носить перстни на второмъ отъ мизинца (безъименномъ) пальцѣ правой руки. Прочіе архіепископы могутъ украшать перстнями одинъ мизинецъ на той же рукѣ. Патріархъ при мvроваренiи не можетъ служить менѣе, какъ съ шестью епископами; а посвящать въ епископы долженъ по крайней мѣрѣ съ тремя. На коврѣ, подстилаемомъ подъ ноги его святѣйшеству во время слу-

женія, изображена птица съ краснымъ клювомъ и лапами, (не скворецъ ли?) та, которая пожираетъ змѣй, еще змѣя, солнце и мѣсяцъ.

Монашествующихъ въ Эчьміядзинѣ всего до 80 человѣкъ; архіепископовъ и архимандритовъ до 30 человѣкъ. Изъ нихъ до 10 архіепископовъ управляютъ на мѣстахъ епархіями. Мальчиковъ въ монастырской школѣ до 30 человѣкъ Крестьянъ при монастырѣ до 600 семействъ. Нынѣшній глава церкви, патріархъ Іоаннесъ 139-й патріархъ. Первымъ былъ апостолъ Ѳаддей, который проповѣдывалъ евангеліе вмѣстѣ съ апостоломъ Варѳоломеемъ. Св. Григорій просвѣтитель Арменіи, считается пятымъ патріархомъ.

По словамъ монаховъ, соборное строеніе существуетъ 1531 годъ, т. е. со времени св. Григорія, который руководствовалъ постройкою по внушенію Христа Спасителя, ниспосланному ему во снѣ. Видѣніе это было на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ церкви престолъ Эчьміядзинъ. Главная колокольня надъ западной папертью построена около 300 лѣтъ. На ней украшенія, какихъ нѣтъ на другихъ частяхъ зданія, и камень одноцвѣтнѣе и свѣжѣе, работа чище; вообще нѣтъ слѣдовъ времени, положенныхъ на наружныхъ стѣнахъ всего собора.

Патріархъ Іоаннесъ пріобрѣлъ отъ времени большой навыкъ въ обхожденіи; онъ строго соблюдаетъ все, что должно быть свойственно главѣ церкви. Въ разговорахъ со мною, онъ часто выражалъ благодарность Государю Императору, нашему правительству и начальству, прибавляя, что съ 1827 года для нихъ *все* новое: и небо, и земля, и воздухъ. На вопросъ его о моемъ здоровьѣ, когда я отвѣчалъ, что никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ съ пріѣзда въ Эчьміядзинъ, его святѣйшество сказалъ, что это

должно относить не къ другому чему, какъ къ чистотѣ моей души и намѣреній. За обѣдомъ я замѣтилъ, что новая дорога изъ Эривани въ Тифлисъ, которая тогда устроивалась чрезъ Дилиджанское ущелье, сблизитъ Эчьміядзинъ съ Тифлисомъ—патріархъ сказалъ, что онъ первый поѣдетъ по ней къ Барону Розену засвидѣтельствовать свое почтеніе. На комплиментъ отвѣчалъ я въ такомъже родѣ, что путешествіе его святѣйшества навсегда утвердитъ благосостояніе новой дороги. Отецъ святый былъ, повидимому, очень доволенъ, и сказалъ въ полголоса сидѣвшему подлѣ него архіепископу Григорію, такъ однако, что переводчикъ при мнѣ, обѣдавшій вмѣстѣ съ нами, слова эти тотчасъ перевелъ мнѣ: «какъ ни молодъ, а говоритъ, слышишь какъ!»

Передъ вечеромъ въ Свѣтлое Воскресенье я посѣщалъ прежняго, доживавшаго на покоѣ въ монастырѣ вѣкъ свой, патріарха Ефрема. Ему было тогда 84 года. Онъ ничего не видѣлъ и почти ничего не слышалъ; а тутъ утомленіе во время поста окончательно ослабило его, и онъ, благословляя меня, преклонившагося предъ нимъ на колѣна, могъ только произнесть нѣсколько благодарныхъ словъ Царю и Правительству.

Николай Розановъ.

Тифлисъ.

16-го Іюня 1834 года.

КІЕВЪ

ВЪ РАЗНЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

по описанію современниковъ и очевидцевъ.

Въ теченіе слишкомъ тысячелѣтней своей жизни славный городъ Кіевъ испыталъ различныя перемѣны. Онъ много разъ то расширялся, то сокращался въ своихъ размѣрахъ; то увеличивался, то уменьшался въ числѣ жителей. Было время, когда въ немъ считалось до 400 храмовъ и 8 торговыхъ площадей; и было время, когда въ немъ можно было насчитать только сотни двѣ бѣдныхъ хатъ. Центръ торговой и общественной жизни Кіева также разновременно переносился на разныя мѣста; былъ онъ и на Старомъ городѣ, и на Подолѣ, и на Печерскѣ, и наконецъ на Крещатикѣ. Туже судьбу имѣли и кіевскія укрѣпленія. Въ древнее время былъ укрѣпленъ Старый городъ; въ эпоху польскаго владычества замокъ возвышался на горѣ, господствующей надъ Подоломъ; послѣ присоединенія къ Россіи укрѣпленіе сначала было устроено около Софійскаго и Михайловскаго монастырей, а потомъ на Печерскѣ.—Измѣнялся внѣшній видъ города; измѣнялись конечно еще болѣе бытъ и нравы жителей. Конечно было бы весьма любопытно и поучительно прослѣдить исторію этихъ многообразныхъ измѣненій Кіева; и съ этою цѣлію мы представляемъ вниманію читателей рядъ краткихъ выдержекъ изъ современниковъ—описателей Кіева, большею частію очевидцевъ. Таковы были; въ XI вѣкѣ титмаръ епископъ мерзебургскій. Въ XIII вѣкѣ католич. миссіонеръ Плано-Карпини, въ XV в.—

Контарини; въ XVI в. Герберштейнъ, Михалонъ Литвинъ, Гваньини, Сарницкій, Ляссота и Гейденштейнъ; въ XVII, Калнофойскій, Бопланъ, Симонъ Старовольскій, Павелъ діаконъ, Развидовскій, Целларій, Циховій, Гербиній, Гордонъ, въ XVIII в. св. Лукьяновъ, Ѳ. Прокоповичь, Сегюръ, Вигель, Тимковскій, Новгородцевъ; въ XIX вѣкѣ М. Платонъ, Голицынъ, Парѳеній. Конечно многіе изъ этихъ описателей Кіева какъ иностранцы и иновѣрцы, часто сообщаютъ свѣденія ошибочныя по пристрастію или легковѣрію; но въ ихъ свидѣтельствахъ слышится голосъ ихъ далекаго вѣка: самыя ошибки ихъ характерны и по своей очевидности не требуютъ опроверженія. Выдержки изъ описанія Эриха Лассоты и Павла, сопутника патр. Макарія, помѣщены въ *кіев. епарх. вѣдом.* 1873 г.; остальные слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ.

---

1. Титмаръ Мерзебургскій.

1018.

Титмаръ, епископъ Мерзебургскій (род. 976 г. † 1018 г.,) описываетъ Кіевъ въ двухъ мѣстахъ своей *хроники*, послѣднія двѣ книги которой (VII-я и VIII-я) были дописаны имъ за двѣ недѣли до смерти.

Книга VII, гл. 52. «Владиміръ уже въ престарѣломъ возрастѣ и послѣ продолжительнаго царствованія умеръ и погребенъ въ Кіевѣ (in Cuiewa) большомъ городѣ, *въ храмѣ Христова мученика папы Климента* возлѣ вышеупомянутой жены своей (Елены гречанки), и саркофаги ихъ стоятъ на виду посреди храма.»

Кн. VIII, гл. 16. Болеславъ устроилъ дѣла такъ, что очень крѣпкій городъ Кіевъ (Kitawa) терпитъ вредъ отъ учащеннаго нападенія печенѣговъ (ab hostibus Pedaeneis) и опустошается большимъ пожаромъ. Хотя городъ былъ защищаемъ своими обитателями, но скоро уступилъ вражескимъ силамъ; ибо, будучи оставленъ своимъ государемъ, обратившимся въ бѣгство, въ 19 календы сентября (т. е. 14 августа 1018 г.) принялъ Болеслава и своего прежняго, долго утраченнаго князя Святополка. Благодаря ему и изъ страха нашихъ воиновъ вся эта страна вступила на путь истинный. Архіепископъ этого города съ мощами святыхъ и прочимъ церковнымъ благолѣпіемъ устроилъ Болеславу и Святополку почетную встрѣчу *въ св. монастырѣ Софіи*, который къ сожалѣнію въ предшествующемъ году случайно подвергся пожару. Тамъ была мачиха вышеупомянутаго государя (т. е. Ярослава), жена его, 9 сестеръ, изъ которыхъ одну, прежде желанную, старый прелюбодѣй Болеславъ, забывъ свою законную жену, взялъ на сожитіе. Тамъ показываютъ Болеславу несчетное количество денегъ, большая часть которыхъ раздѣляется между туземцами и благопріятелями, а нѣкоторая часть отсылается домой. Въ вспомогательномъ войскѣ этого вождя было съ нашей стороны 300 [1]), вен-

---

[1]) Конечно кто нибудь изъ этихъ 300 нѣмцевъ и былъ передатчикомъ Титмару свѣденій о Кіевѣ. Небольшое пространство времени (отъ 14 августа по 1 декабря 1018 г.=день смерти Титмара) оставалось для того, чтобы эти нѣмцы успѣли осмотрѣть Кіевъ, получить дары, возвратиться во свояси, разсказать Титмару о видѣнномъ,—чтобы Титмаръ наконецъ успѣлъ хотя въ предсмертную пору записать слышанное. Тѣмъ болѣе сообщаемыя Титмаромъ свѣдѣнія о Кіевѣ носятъ на себѣ характеръ свѣжей новости того времени.

гровъ 500, печенѣговъ 1000. Всѣ эти воины были тогда отпускаемы во свояси, такъ какъ Святополкъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что его подданные располагаются къ нему и кажутся ему вѣрными. Въ большомъ этомъ городѣ, который служитъ столицею государства, имѣется болѣе 400 церквей [1]) и 8 торжищь, а народу несмѣтная сила, которая—какъ и во всей здѣшней области—составляется гловнымъ образомъ изъ бѣглыхъ рабовъ, стекающихся сюда со всѣхъ сторонъ, въ особенности изъ проворныхъ дановъ (норманновъ), и которая доселѣ много боролась съ вредными печенѣгами и побѣждала другіе породы.

2., Плано-Карпини.

1246—7.

Итальнецъ и францисканскій монахъ Іоаннъ де Плано Карпини, посланный вмѣстѣ съ пятью товарищами отъ папы Иннокентія IV къ татарскому хану въ качествѣ дипломата и миссіонера, дважды проѣзжалъ чрезъ Кіевъ въ генварѣ 1246 г. и іюнѣ 1247 г. Хотя въ описаніи своего путешествія, Плано-Кирпини говоритъ не о топографіи Кіева, а о дорожныхъ неудобствахъ и своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, тѣмъ не менѣе, при скудости извѣстій древнихъ очевидцевъ Кіева, мы сочли не излишнимъ привести изъ путешествія Плано-Карпини нижеслѣдующія выдержки:

Герцогъ Василикъ [2]) отправилъ насъ въ Кіевъ, русскую митрополію, съ однимъ служителемъ. Мы шли въ по-

---

[1]) Къ этому извѣстію одинъ изъ издателей Титмара (Ursinus. Dresden. 1790) дѣлаетъ такое примѣчаніе. «Вѣроятно въ этомъ числѣ полагаются и всѣ часовни. Числа нельзя считать невѣроятнымъ, такъ какъ и въ наше время въ сравнительно небольшомъ городѣ Бухарестѣ считается 380 церквей.»

[2]) Василько Романовичъ, братъ Даніила, князь Владимір-

стоянной опасности за свою жизнь отъ литовцевъ, которые часто нападали на русскую землю, а особенно въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя мы должны были проходить. Но благодаря вышеупомянутому служителю мы были безопасны отъ руссовъ (a Ruthenis), которыхъ притомъ наибольшая часть была перебита или плѣнена татарами. Въ Даниловѣ [1]) мы изнемогли почти до смерти; тѣмъ не менѣе приказали везти себя по снѣгу при жестокой стужѣ. Достигши Кіева, мы совѣтовались съ тысячникомъ и другими сановниками о продолженіи нашего пути. Они сказали намъ, что если мы при большихъ снѣгахъ поѣдемъ къ татарамъ на своихъ коняхъ, то кони всѣ падутъ, потому что они не умѣютъ, подобно татарскимъ лошадямъ, откапывать себѣ траву подъ снѣгомъ, и нельзя будетъ ничего купить для ихъ пропитанія, потому что у татаръ нѣтъ ни сѣна, ни соломы и никакого запасу для конскаго корму. Итакъ мы рѣшились оставить коней въ Кіевѣ съ двумя мальчиками, назначенными стеречь ихъ. Затѣмъ намъ нужно было подарить тысячника, чтобы при его благосклонномъ содѣйствіи получить подводы, и такъ на другой день Срѣтенія отправившись въ путь, мы прибыли въ городъ *Каневъ* (Canovae), который непосредственно былъ подъ властію татаръ.«

Чрезъ 16 слишкомъ мѣсяцевъ Плано-Карпини съ сопутниками на обратномъ пути изъ Монголіи опять проѣзжалъ чрезъ Кіевъ.

»Пріѣхали мы туда за 15 дней до праздника блаж. Іоанна Крестителя. [2]) Кіевляне, узнавъ о нашемъ прибы-

---

Волынскій, *тѣломъ среднїй, умомъ же великъ и дерзостію*, † 1269 г. инокомъ.

[1]) Даниловъ—городъ на Волыни, разоренъ потребованію татарскаго темника Бурундая въ 1259 г.

[2]) Т. е. 9 іюня 1247 г.

тіи, сбѣжались къ намъ всѣ съ радостію. Они поздравляли насъ, какъ воскресшихъ отъ смерти.«

Въ заключеніе своего описанія, Плано-Карпини беретъ въ удостовѣреніе истины своихъ словъ въ числѣ другихъ свидѣтелей и »весь городъ Кіевъ, гдѣ онъ получилъ проводниковъ и лошадей до первой татарской заставы, и гдѣ на обратномъ пути былъ хорошо принятъ.«

3., Амвросій Контарини.

1474.

Амвросій Контарини, посолъ свѣтлѣйшей Венеціанской республики къ персидскому государю Уссумъ-Гассану, выѣхавъ изъ Венеціи 23 февраля 1473 г. направился въ Персію чрезъ Германію, Польшу и Крымъ; а возвратился въ Венецію 21 Генв. 1477 г., проѣхавъ на обратномъ пути Грузію, Мингрелію, Дербентъ, Астрахань, Рязань, Москву, и опять Польшу и Германію. Путешествіе свое Контарини изложилъ въ формѣ подробнаго дневника. Въ Кіевѣ былъ на пути въ Персію въ первыхъ числахъ мая 1474 г.

1 го Мая 1474 г. въѣхали мы въ городъ Кіевъ или *Магроманъ*, лежащій за предѣлами Малороссіи и управляемый полякомъ, по имени Паномъ Мартиномъ (Pan Martin), католическаго исповѣданія. Услышавъ отъ королевскихъ проводниковъ о прибытіи моемъ, онъ немедленно повелѣлъ отвести мнѣ квартиру, довольно впрочемъ плохую, какъ и всѣ тамошнія жилища, и прислалъ большое количество жизненныхъ припасовъ. Городъ Кіевъ находится на границѣ

Татаріи. Сюда съѣзжается множество купцовъ изъ Великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляютъ въ Кафу съ караванами; но эти караваны подобно овцамъ весьма часто подвергаются въ пути нападенію татаръ. Кіевъ изобилуетъ хлѣбомъ и всякаго рода мясомъ. Жители обыкновенно проводятъ утро, до трехъ часовъ, въ занятіяхъ, а потомъ отправляются въ шинки, гдѣ остаются вплоть до самой ночи и нерѣдко, напившись до пьяна, заводятъ между собою драки.

2-го Мая Панъ Мартинъ прислалъ нѣсколькихъ дворянъ своихъ для приглашенія меня къ обѣду. Съ нами вмѣстѣ обѣдали: епископъ (братъ Пана Мартина) и нѣсколько дворянъ. За столомъ, въ продолженіи котораго пѣли пѣвчіе, просидѣли мы очень долго къ крайнему моему не удовольствію, ибо отдыхъ былъ для меня всего нужнѣе. Немедленно послѣ обѣда простился я съ хозяиномъ моимъ и отправился изъ крѣпости (которая вообще вся деревянная и гдѣ находился домъ Пана Мартина) въ городъ, на свою квартиру. Кіевъ омывается рѣкою, которую жители называютъ *Днѣпромъ* (Danambré), а мы зовемъ *Лерессою* (Leresse) и которая впадаетъ въ Черное море.

4., Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ.

1517 и 1526.

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ былъ два раза посылаемъ отъ императора къ в. князю московскому, и прожилъ въ предѣлахъ московскаго государства первый разъ около 8 мѣсяцевъ (апрѣль—ноябрь 1517 г.), второй разъ болѣе шести мѣсяцевъ (1 мая—11 ноября 1526 г.) Результаты своихъ наблюденій Герберштейнъ изложилъ въ превосходныхъ *запискахъ о Московіи.* Въ Кіевѣ Герберштейнъ не былъ, но кое-что слышалъ о немъ.

Кіевъ—древняя столица Русіи. Самыя развалины города и памятники, отъ которыхъ можно видѣть обломки, доказываютъ, что онъ былъ великолѣпнымъ и истинно царскимъ городомъ. И теперь еще на сосѣднихъ горахъ видны слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей: кромѣ того много пещеръ, въ которыхъ видны гробницы и въ нихъ еще не истлѣвшія тѣла. Отъ людей достойныхъ вѣры, слышалъ я, что дѣвочки тамъ рѣдко сохраняютъ невинность послѣ седьмаго года. Я слышалъ различныя объясненія этого *факта*, но ни одно не удовлетворило меня..... У Кіева есть одинъ холмъ, чрезъ который купцы должны проѣзжать нѣсколько трудною дорогой; если при въѣздѣ на него сломается какая нибудь часть повозки, то вещи, которыя были везены въ повозкѣ, поступаютъ въ казну [1]). Все это

---

[1]) Въ *листѣ* Александра, в. кн. Литовскаго, до войта *и мещанъ Кіевскихъ з стороны пожитковъ з места Кіевскаго воеводе Кіевскому приходячихъ* отъ 14 мая 1499 г. (Литовск. метр. кн. запис. 6-я л. 128-й), читаемъ подтвержденіе этому извѣстію. Этотъ листъ изданъ въ кіев. е. вѣд. 1873 г.

мнѣ разсказывалъ господинъ Альбертъ Гастоль, палатинъ виленскій и намѣстникъ короля въ Литвѣ.

5., Михалонъ Литвинъ.

Михалонъ Литвинъ жилъ въ половинѣ XVI вѣка Въ 1544 г. былъ высланъ сеймомъ въ числѣ комиссаровъ для описанія замковъ на Литвѣ и Украинѣ; человѣкъ бывалый Онъ написалъ обширное сочиненіе, десять отрывковъизъ котораго изданы въ Базелѣ въ 1615 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Michalonis Lituani dé X, mulmoribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum Fragmina tiplici historia referta..... Nunc primum per I Sac. qrasserum C. P. ex manuscripto authentico edita. Basileac, apud Conradum Waldkirchium. MDCXI. Нельзя не замѣтить, что извѣстія Михалона о кіевскомъ изобиліи страдаютъ очевиднымъ преувеличеніемъ.

Есть у насъ знаменитая крѣпость и городъ Кіевъ, который впрочемъ пренебрегается, какъ и другія, хотя и гласитъ одна пословица Роксоланская, что съ высоты ея видны многія мѣста. Первая изъ всѣхъ другихъ городовъ и областей, крѣпость эта съ своею областью, лежащая при рѣкѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ полями и лѣсами до того плодородна, что пашни, вспаханныя одинъ разъ двумя быками, даютъ богатую жатву, а необработанныя поля производятъ травы, питающія человѣка деревья и стволами; деревья также съ различными прекрасными плодами, виноградныя лозы съ большими кистями; мѣстами же на берегахъ, есть и дикій виноградъ, самъ собою растущій. Старые дубы и ясени, въ коихъ образовались дупла отъ вет-

хости, изобилуютъ роями пчелъ и сотами, пріятными цвѣтомъ и вкусомъ."

Звѣрей такое множество въ лѣсахъ и степяхъ, что дикіе волы (bisontes), дикіе ослы (onagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кромѣ филейныхъ частей; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ зимою изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи. На берегахъ живетъ множество бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яицами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей, и потомъ ихъ выводками наполняются птичьи дворы. Орлятъ запираютъ въ клѣтки для перьевъ къ стрѣламъ.

Собакъ кормятъ мясомъ и рыбой, потому что рѣки до невѣроятности обильны всякаго рода большой рыбой, восходящей вверхъ изъ моря въ прѣсную воду. Нѣкоторыя изъ нихъ называются золотыми. Особенно *Припеть* въ одномъ мѣстѣ у *Мозыря*, близь устья рѣчки *Туры*, при накопленіи свѣжей воды изъ источниковъ наполняется ежегодно около 1-го марта такимъ количествомъ рыбы, что копье брошенное въ средину, останавливается твердо, какъ въ землѣ: такъ густа рыба. Я не повѣрилъ бы этому, еслибъ самъ не былъ свидѣтелемъ, какъ черпали тамъ рыбу беспрерывно и наполняли въ одинъ день около тысячи телѣгъ, принадлежащихъ пріѣзжимъ купцамъ, которые нарочно съѣзжаются къ этому времени.

Самая большая изъ всѣхъ этихъ рѣкъ *Днѣпръ*, доставляющій Кіеву не только рыбу въ большомъ количествѣ, но и другіе предметы.

6., Александръ Гваньини.

1581.

Александръ Гваньини, уроженецъ веронскій, долго служилъ въ польскомъ войскѣ начальникомъ пѣхоты и во время войны съ Россіею комендантомъ Витебска. Умеръ въ Краковѣ въ 1614 г. на 76 году.

КІЕВСКІЙ ПАЛАТИНАТЪ.

Кіевъ древнѣйшій и обширнѣйшій городъ, обнесенный деревянными оградами, нѣкогда столица всей Россіи, расположенная у славнѣйшей рѣки *Борисѳена*, отстоитъ отъ Вильны на сто двадцать миль польскихъ. О прежнемъ величолѣпіи и истинно царственномъ видѣ города свидѣтельствуютъ самыя развалины и памятники, расположенныя на пространствѣ шести миль. Доселѣ на сосѣднихъ холмахъ виднѣются слѣды церквей, монастырей и опустѣвшихъ зданій Кромѣ того есть нѣкія обширнѣйшія подземныя пещеры, прокопанныя подъ землею на большое разстояніе,—какъ нѣкоторые говорятъ на 80 миль. Въ пещерахъ видны многія старинныя гробницы и тѣла нѣкоторыхъ знаменитыхъ русскихъ мужей, (давно похороненныя) но только истлѣвшія, а не распавшіяся, въ особенности—кажутся цѣлыми, какъ будто только что положенные, трупы какихъ-то двухъ князей въ языческихъ одеждахъ, какъ они ходили при жизни. Такъ лежатъ въ пещерѣ тѣла непогребенныя, которыя показываются чужестранцамъ и пришельцамъ монахами русскаго обряда. Возлѣ города надъ *Днѣпромъ* сооруженъ довольно укрѣплѣнный замокъ изъ дубовъ, камней и земли. Кіевская область весьма обширна, простирается на 50 или болѣе польскихъ миль; нѣкогда имѣла князя по своему

праву, а теперь превращена въ форму палатината. На полдень отъ Кіева на берегу Днѣпра расположенъ городъ *Черкасы*, жители коего называются черкасами и живутъ въ пространной области по берегамъ *Днѣпра*. Они русскіе (Rutheni), но не тѣ, которые живутъ въ горахъ *при понтѣ евксинскомъ;*—люди бодрые и воинственные, часто воюютъ съ своими сосѣдями перекопскими татарами, вторгаются въ ихъ области и захватываютъ въ добычу скотъ. Семью милями выше *Черкасъ* вверхъ по *Борисѳену* встрѣчается *Каневъ*, крѣпость, знаменитая находящимися въ ней и кругомъ ея воинственными мужами. Ниже черкасовъ и каневцевъ нѣтъ христіанскихъ жилищъ, лежатъ только пустыя необитаемыя поля, гдѣ живутъ только звѣри, и такъ на 40 миль до Очакова...

Кіевскій палатинатъ носитъ воинское знамя зеленое, съ изображеніемъ съ одной стороны двойной короны велик. княжества на красномъ полѣ, а съ другой медвѣдя на бѣломъ полѣ. Имѣетъ пока одинъ подчиненный округъ *мозырскій*, впрочемъ весьма обширный.

Вышгородъ—замокъ надъ *Борисѳеномъ* въ трехъ миляхъ отъ Кіева—въ *мстиславскомъ* палатинатѣ.

7., Станиславъ Сарницкій.

Авторъ сочиненія Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et novo. 1585.

1585.

Кіевъ (Kiovia) 51 град. 12 мин. широты 54 гр. 12 мин. долготы. Древняя резиденція рускихъ князей. И какъ нѣкогда римляне баснословили о сѣверныхъ и индѣйскихъ уродахъ и диковинахъ, такъ и рускіе теперь стараются увѣрить другихъ о своихъ чудесахъ и герояхъ, которыхъ зовутъ богатырями т. е. полубогами. Они погребены по русскому обычаю въ горныхъ пещерахъ, которыя будтобы, какъ подземные корридоры, тянутся на огромное пространство даже до Новгорода великаго. Только то несомнѣнно и считается за чудо богомольцами, стекающимися въ Кіевъ, что монахи показываютъ тамъ нетлѣнныя тѣла князей, которыя благодаря какому-то особому свойству мѣстности (temperamentum loci) остаются безъ всякаго поврежденія много лѣтъ. Кіевляне относятъ это къ религіи и приписываютъ святости мѣста. Въ этомъ городѣ живетъ не мало армянъ также, какъ во Львовѣ и Каменцѣ. Кіевъ отстоитъ отъ Вильны 90 миль, отъ Львова 80. Приведу о немъ двустишіе нѣкоего ученаго поэта:

Nomen habet magnum spatiosa Kiowia quondam
Cuncta brevi imposito, tu milite prospice forti. [1])

---

[1]) Переводъ можетъ быть такой: «Обширный нѣкогда Кіевъ имѣетъ славное имя. Хотя въ послѣднее время все придавилъ храбрый солдатъ, но все-таки остерегайся.»

8. Рейнольдъ Гейденштейнъ.

Дипломатъ, юристъ, историкъ, другъ Яна Замойскаго довѣренный секретарь королей Стефана Сигизмунда III, Рейнольдъ (иначе Регинальдъ) Гейденштейнъ— въ своемъ сочиненіи о современной ему польской исторіи помѣщаетъ представляемое ниже описаніе Кіева въ ряду событій 1596 года.

1596.

Упомянувъ о Кіевѣ столь славномъ и людномъ городѣ, неизлишне будетъ вкратцѣ припомнить о его положеніи и древностяхъ. За нѣсколько вѣковъ князья кіевскіе были владыками всѣхъ Россій, какъ той, которая теперь называется Москвою, такъ и той, которая доселѣ зовется Русью. Властвовали князья до моря Чернаго и Дуная;столицею ихъ былъ Кіевъ. Когда онъ былъ построенъ, какъ давно существуетъ, не достигаетъ ли быть можетъ временъ Колхиды и Енея, не извѣстно: закрыла все дальняя старина и равнодушіе историковъ. Остались однако памятники прежняго величія: стѣна кругомъ города, а въ ней ворота старинной структуры, всѣ позлащенныя и такъ высокія, что двѣ повозки (wlozne), поставленныя одна на другую не достигаютъ ихъ вершины. Въ самомъ городѣ не мало уничтоженныхъ храмовъ, которые всѣ были греческаго обряда. Остался доселѣ одинъ изъ нихъ *св. Софіи*, но и то въ такомъ жалкомъ видѣ, что богослуженіе въ немъ не совершается. Должно быть—онъ стоилъ огромныхъ суммъ. Еще и теперь видны слѣды огромности и пышности;весь храмъ покрытъ мозаикою на подобіе храмовъ константинопольскихъ и венеціанскихъ. Структурою и искусствомъ въ работѣ не уступаетъ ни одному изъ нихъ. Притворъ и колонны изъ пор-

фира, мрамора и алебастра. Въ такомъ однако запущеніи это прекрасное зданіе, что кровли на немъ нѣтъ, и оно все болѣе и болѣе близится къ уничтоженію, хотя всѣ неприятели щадили его ради его особаго изящества. Есть еще *храмъ св. Михаила* съ золоченнымъ верхомъ, подобный тому, какой устроила въ Краковѣ недавно скончавшаяся королева Анна [1]). Уцѣлѣли хоры, выложенные мозаикою. Однако все зданіе не равняется величіемъ св. Софіи. Внутри храма расписано въ греческомъ вкусѣ. Имѣются при немъ монахи греческаго исповѣданія.

Есть еще и иные памятники и развалины. Огромные валы и стѣны свидѣтельствуютъ, что городъ должно быть когда-нибудь былъ очень многолюденъ и великъ. Земля плодородна. Климатъ теплѣе, чѣмъ въ Краковѣ или во Львовѣ, такъ что все раньше растетъ и дозрѣваетъ. Нынѣшній городъ Кіевъ находится не въ старыхъ стѣнахъ, но нѣсколько пониже у *Днѣпра* и не похожъ на старый Кіевъ. Есть однако не мало купцовъ, занимающихся торгомъ съ Москвою. Очень выгодную торговлю производитъ Кіевъ по *Днѣпру* и *Деснѣ*, впадающей во Днѣпръ за милю отъ Кіева. Туземцы называютъ ее другою половиною Днѣпра; такъ она глубока. Надъ городомъ господствуетъ деревянный замокъ, но не стоитъ названія замка. Онъ совсѣмъ заброшенъ и почти совершенно сгнилъ.

---

[1]) Королева Анна, вдова Стефана Баторія, умерла 9 сентября 1596 г.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗІИ НА СТАТЬЮ »ПЕТРЪ МОГИЛА И ИСАІЯ КОПИНСКІЙ« [1]).

Но особенно усиливается г. Костомаровъ, оспорить то наше положеніе, въ которомъ мы говоримъ, что между П. Могилою и Исаіею Копинскимъ происходила борьба, *ознаменовавшаяся со стороны перваго стремленіемъ къ матеріальному стѣсненію Исаіи*. Нашъ рецензентъ не признаетъ никакой исторической достовѣрности за тѣми источниками, цитируемыми въ нашей статьѣ, которые представляютъ поступки Могилы въ отношеніи къ Исаіи Копинскому въ невыгодномъ свѣтѣ. Само собою разумѣется, что подобной участи первѣе всего подвергается лѣтопись Іерлича, сохранившая извѣстія о грубомъ и жестокомъ обращеніи П. Могилы съ своимъ предшественникомъ по митрополіи. Замѣчательно, что нашъ достоуважаемый историкъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ не отрицалъ совершенно достовѣрности означенныхъ извѣстій. Вотъ его слова: »Извѣстія Ерлича (о П. Могилѣ) если могутъ *быть справедливы*, какъ сообразныя съ духомъ тогдашнихъ польскихъ нравовъ, то *въ равной степени* могутъ быть ложны или преувеличены, потому что самъ лѣтописецъ вообще мало соблюдалъ критики съ тѣмъ, что до него доходило въ его время, да кромѣ того еще и потому что Ерличь, какъ дворянинъ, не любилъ казаковъ, а Петръ Могила былъ къ нимъ

---

[1]) См. № 11.

благосклоненъ и постоянно находился съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ« (Истор. Моног. изд. 1870 т. XI CIX) [1]).

Что же заставляетъ г. Костомарова въ настоящее время произнести окончательный приговоръ Іерличу?-Тѣ письменные памятники, въ которыхъ мы находили подтвержденія сказаніямъ Іерлича, служатъ, по мнѣнію г. Костомарова, опровerженіемъ этому сказанію.

Посмотримъ, что это за памятники.

Къ нимъ мы относимъ, во 1-хъ протестацію Исаіи Копинскаго, поданную его повѣреннымъ противъ П. Могилы въ томъ, что онъ »не контентуючись першими вели-

---

[1]) Мы въ своей статьѣ имѣли уже случай замѣтить, что Іерличъ при сообщеніи извѣстій о Петрѣ Могилѣ неправды неумышленной, зависящей отъ недостаточно-критическаго отношенія къ сообщаемымъ по наслышкѣ фактамъ, допустить не могъ, потому что почти постоянно живя въ Кіевѣ, по всей вѣроятности, самъ былъ очевидцемъ описываемаго имъ поступка Могилы съ Исаіею Копинскимъ. Говорили также, что лѣтописецъ не можетъ быть въ данномъ случаѣ обвиненъ и въ злонамѣренномъ искаженіи фактовъ, такъ какъ онъ при сообщеніи біографическихъ свѣдѣній о Могилѣ выставляетъ на видъ не однѣ только слабыя стороны его характера и дѣятельности, но не умалчиваетъ и о хорошихъ его качествахъ (пишетъ, что митрополитъ жилъ сообразно своему званію—хорошо и трезво, заботился о цѣлости церкви Божіей и т. п.) Къ этому мы прибавимъ еще то, что мнѣніе г. Костомарова *о благосклонности* Могилы къ козакамъ и *постоянныхъ пріязненныхъ къ нимъ отношеніяхъ*, мнѣніе, на основаніи котораго онъ заподозриваетъ достовѣрность сказаній Іерлича о Могилѣ,—не совсѣмъ вѣрно. Припомнимъ, что попытка князя Іереміи Вишневецкаго, родственника П. Могилы, отнять у строгаго обличителя сторонниковъ уніи (въ числѣ кото-

кими кривдами и опрессіями,«—на остатокъ началъ дѣлать нападенія на имѣнія михайловской обители, приводя ее въ конечное разореніе, а когда Исаія Копинскій лично отправился съ жалобою къ королю, Могила завладѣлъ монастыремъ, посадилъ въ немъ игуменомъ Кезаревича и затѣмъ, не смотря на королевское приказаніе, не только не возвратилъ Исаіи михайловской обители, но даже въ 1637 году, при личномъ свиданіи съ Исаіею въ дому луцкаго епископа, въ присутствіи многочисленнаго духовенства, »гвалтомъ примусилъ« Копинскаго квитовать (освободить) его, Могилу, отъ всякихъ процессовъ.

2) Королевскій листъ о назначеніи судной коммиссіи по дѣлу между П. Могилою и Ис. Копинскимъ, изъ коего видно, что послѣдній жаловался королю на Могилу въ томъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ (od lat kilku) посягаетъ на его жизнь и достатки, забралъ церковное и его собствен-

---

рыхъ былъ и Могила) Исаіи Копинскаго подвластные ему монастыри, находившіеся въ имѣніяхъ означеннаго князя, кончилась неудачно, *благодаря вмѣшательству казаковъ;* что сверженію съ михайловскаго игуменства Ф. Кезаревича одного изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Могилѣ, и возведенію на него Исаіи Копинскаго содѣйствовали *козаки*; что участіе въ возмущеніи противъ могилянскихъ школъ, когда Могила и его сторонники ждали, что вотъ-вотъ начнутъ начинять ими желудки днѣпровскихъ осетровъ,—принимали между прочимъ, и *козаки*. Точно также какъ самъ Могила, такъ и его приверженцы не разъ высказывали свое неудовольствіе противъ людей своевольныхъ, *козаковъ*. Такъ напр. Оксеновичъ-Старушичъ ректоръ школъ кіевскихъ, восхваляетъ князя Илію Четвертинскаго (въ Казаньи погребовомъ) за-то, что онъ *з'сердечными кавалерами*, *братіею своею*, *помешалъ*, *стелючи поля на милю бездуш нымъ трупомъ козацкимъ*.

ное имущество и самаго его, Исаію, измучивши, держалъ въ тяжеломъ заключеніи, отнимаетъ у него духовную власть и принадлежащіе ему по праву доходы и т. п.

3) Королевскій листъ Могилѣ съ наказомъ не производить возмущеній во время назначенной королемъ по жалобѣ Ис. Копинскаго коммиссіи; здѣсь, между прочимъ, говорится какъ о захватѣ Могилою михайловской обители, такъ и о прежнихъ его кривдахъ по отношенію къ Исаіи.

Извѣстія приведенныхъ документовъ объ отношеніяхъ П. Могилы къ Ис. Копинскому мы приняли за достовѣрныя, во первыхъ потому, что онѣ вполнѣ согласны съ обстоятельствами жизни Исаіи (съ 1635 года мы его не видимъ въ михайловской обители, знаемъ объ его изгнаніи *родственникомъ Могилы* изъ мгарской лубенской обители, существуютъ извѣстія о его бѣдственной жизни); а во вторыхъ потому, что онѣ нисколько не противорѣчатъ общему характеру тѣхъ отношеній, какія установились между нимъ (Могилою) и Исаіею Копинскимъ. А такъ какъ означенныя извѣстія вполнѣ гармонируютъ также и съ сказаніемъ Іерлича объ отношеніяхъ Могилы къ своему предшественнику по митрополіи, то мы по тѣмъ же пріемамъ исторической критики, какимъ слѣдуетъ и г. Костомаровъ (Истор. Мон. т. IX. ст. XII), признали достовѣрнымъ и послѣднее. Но г. Костомаровъ смотритъ на дѣло иначе. Задавшись цѣлію, во чтобы то ни стало, подорвать достовѣрность сказаній Іерлича, онъ называетъ протестаціи Исаіи Копинскаго противъ Могилы клеветою и *при совершенномъ отсутствіи* положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу своего мнѣнія старается обосновать его на противорѣчіяхъ, замѣченныхъ будто бы

имъ при сравненіи лѣтописи Іерлича съ указанными документами, а также нѣкоторыми другими актами, приводимыми въ нашей статьѣ.

Въ чемъ же заключаются эти противорѣчія?

Существуетъ, говоритъ г. Костомаровъ, актъ (А. З. Р. IV. стр. 524) отъ 29 окт. 1631 года,—приговоръ иноковъ златоверхо-михайловскаго монастыря объ избраніи на игуменство Исаіи Копинскаго по кончинѣ бывшаго игумена (онъ же былъ и митрополитомъ) Іова Борецкаго.

Существуетъ другой актъ (А. З. Р. V. стр. 22) протестація или судебная явка монаховъ златоверхо-михайловскаго монастыря Дометіана Жаботинскаго и о. Геронтія. Въ этомъ актѣ говорится, что Исаія Копинскій, желая, по кончинѣ Іова Борецкаго, занять его мѣсто и присвоить себѣ игуменство въ златоверхо-михайловскомъ монастырѣ, устроилъ себѣ выборъ въ этотъ санъ: какъ будто всѣ иноки златоверхо-михайловскаго монастыря выбрали себѣ его игуменомъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, братія этого монастыря избрала въ игумены не его, а Филатія Кезаревича. Исаія при помощи запорожскаго полковника Демьяна Гарбузы и козаковъ, 10 октября 1631 года, сдѣлалъ наѣздъ на монастырь, выгналъ Кизаревича и самъ сѣлъ на его мѣсто; живучи въ этомъ монастырѣ и пользуясь монастырскимъ имуществомъ оскорблялъ братію, наконецъ 10 августа 1635 года, своевольно, безъ всякой причины, забравши съ собою разныя церковныя вещи и ризницу, выѣхалъ изъ монастыря, и проч.

Мы, говоритъ г. Костомаровъ, не станемъ разбирать—справедливо или несправедливо обвиненіе противъ Исаіи; не остановимся и надъ противорѣчіемъ между содержаніемъ

перваго и втораго акта—для насъ важно то, что изъ последняго акта несомнѣнно оказывается, что, овладѣвши въ 1631 году златоверхо-михайловскимъ монастыремъ (насильно или по избранію—Богъ знаетъ!) Исаія оставался въ немъ до 1635 года, слѣдовательно, извѣстіе Іерлича о томъ, будто Петръ Могила по вступленіи своемъ на митрополію, въ 1633 году, выгналъ Исаію изъ златоверхо-михайловскаго монастыря, невѣрно.

Чтобы видѣть, действительно ли есть, какъ думаетъ г. Костомаровъ, несомнѣнное противорѣчіе между сказаніемъ Іерлича и явкою о.о. Геронтія и Дометіана Жаботинскаго, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько подробнѣе объ обстоятельствахъ относящихся къ игуменству Исаіи Копинскаго въ кіево-михайловской обители.

Противорѣчіе между содержаніемъ вышеозначенныхъ актовъ (А. З. Р. IV стр. 529 и А. З. Р. стр. 22) дѣйствительно, какъ справедливо думаетъ нашъ рецензентъ, можетъ быть объяснено раздвоеніемъ между братіями михайловскаго монастыря мнѣній относительно лица, имѣющаго быть у нихъ игуменомъ. Можно даже отчасти догадываться, кто былъ главнымъ виновникомъ этого раздвоенія. Такъ какъ вторымъ претендентомъ на михайловское игуменство является Филатей Кезаревичь, лице пользовавшееся особеннымъ расположеніемъ Петра Могилы (см. Кіев. Еп. Вѣд. 1874 г. № 2); то можно думать, что Могила, имѣвшій уже враждебныя столкновенія съ Исаіею и недовольный избраніемъ послѣдняго на митрополію помимо его, — можно думать, что Могила, потерпѣвъ неудачу при столкновеніи съ своимъ соперникомъ въ одномъ пунктѣ, хотѣлъ поразить его въ другомъ, при чемъ избраніе братіею кіево-михайловскаго монастыря себѣ игумена представлялось удобнымъ къ тому

случаемъ. Не допустить Исаію Копинскаго до владѣнія михайловскою обителью, значило лишить его почти всякихъ средствъ къ жизни, такъ какъ Софійскій соборъ, вмѣстѣ съ имѣніями, принадлежащими кіевской митрополіи, былъ въ то время въ рукахъ уніатовъ. Но на этотъ разъ Могилѣ не удалось упрочить мѣсто михайловскаго игумена за Филатеемъ Кезаревичемъ: козаки берутъ сторону Исаіи Копинскаго и выгоняютъ изъ монастыря Филатея. Съ 1633 года обстоятельства перемѣняются. Перевѣсъ видимо переходитъ на сторону Могилы. Возвратившись въ санѣ митрополита въ Кіевъ, онъ, (по сказанію Іерлича), изгоняетъ Исаію изъ михайловской обители и заключаетъ его въ лавру. Впрочемъ еще и теперь приверженцевъ у Исаіи много: духовенство, козаки и чернь поднимаютъ возмущеніе, грозятъ Могилѣ и его приверженцамъ начинить ими желудки днѣпровскихъ осетровъ и добиваются освобожденія Исаіи, котораго, въ началѣ 1634 г., мы опять видимъ въ михайловской обители. Но Могила, не довольствуясь першими великими кривдами по отношенію къ Исаіи, продолжаетъ дѣлать нападенія на михайловскій монастырь, приводя его маетности въ конечное разореніе. Исаія ѣдетъ съ жалобою къ королю; во время его отъѣзда Могила вторгается въ монастырь и опять сажаетъ на михайловское игуменство Филатея Кезаревича, а чтобы придать этому дѣлу нѣкоторый видъ законности—сторонники Могилы и Кезаревича подаютъ судебную явку, гдѣ на Исаію возводятся разныя обвиненія и, между прочимъ, то, что онъ безъ всякой причины, своевольно выѣхалъ изъ михайловскаго монастыря.— Мы не будемъ здѣсь говорить о неправдоподобности послѣдняго обвиненія (Исаія своевольно оставляетъ монастырь и онъ же сильно хлопочетъ объ его возвращеніи), для насъ

важно то, что означенная явка подана была въ судъ врагами Исаіи, *сторонниками могилянской партіи*. Поэтому вправѣ ли бы ожидать въ этой явкѣ указанія на удаленіе Исаіи Копинскаго изъ Михайловскаго монастыря въ лавру (1633), указанія на такой фактъ, въ которомъ замѣшанъ былъ съ невыгодней стороны самъ Могила и который, такимъ образомъ, могъ только компрометировать послѣдняго? Да если бы о.о. Геронтій и Д. Жаботинскій и не были сторонниками Могилы, то и въ такомъ случаѣ имъ не было бы нужды говорить о временномъ удаленіи Исаіи изъ михайловскаго монастыря. Вѣд, цѣль ихъ явки была очернить Исаію,—къ чему же здѣсь говорить о предметахъ сторонних? Такимъ образомъ одно только молчаніе сторонниковъ Могилы объ удаленіи симъ послѣднимъ изъ михайловской обители Исаіи Копинскаго не можетъ служить опорою для отрицанія означеннаго факта, тѣмъ болѣе, что въ самой явкѣ нѣтъ прямаго указанія на то, какъ несправедливо утверждаетъ г. Костомаровъ, чтобы Исаія до 1635 года постоянно оставался въ михайловскомъ монастырѣ: въ ней, какъ мы сказали, сгруппированы только неблаговидные поступки Исаіи (въ 1631 г. наѣхалъ на обитель, во время пребыванія въ обители тиранилъ братію, въ 1635 г. своевольно выѣхалъ).

Опроверженіе сказанію Іерлича г. Костомаровъ видитъ и въ протестаціи, поданной отъ лица Исаіи Копинскаго его повѣреннымъ Кчумовскимъ, потому что въ этой протестаціи, по его мнѣнію, дѣло представляется такъ, что Могила дѣлалъ оскорбленія Исаіи во время пребыванія его въ златоверхо-михайловскомъ монастырѣ, и эти оскорбленія заставили Исаію выѣхать изъ монастыря, то есть сдѣлать то, что случилось, какъ показываютъ о.о. Дометіанъ Жа-

ботинскій и Геронтій въ 1635 году; но въ протестаціи отнюдь не говорится, чтобы ранѣе, до выѣзда Исаіи изъ Златоверхо-михайловскаго монастыря Могила насильно выпроводилъ его въ лавру въ заключеніе.... За тѣмъ въ жалобѣ самаго Исаіи, поданной королю, хотя говорится, что П. Могила держалъ его въ заключеніи, но не указывается время, когда это происходило; а при сопоставленіи съ протестаціею Кчумовскаго оказывается, что время этого заключенія, какъ и побоевъ, будто бы нанесенныхъ Копинскому, совпадаетъ съ насильственнымъ истребованіемъ отъ него квита.

Но еслибы даже Кчумовскій и не упоминалъ въ своей протестаціи о не благовидныхъ поступкахъ П. Могилы по отношенію къ Исаіи Копинскому, бывшихъ до описываемыхъ имъ нападеній Могилы на михайловскій монастырь (около 1635 г.) и если бы побои и заключеніе Исаіи на самомъ дѣлѣ относились къ 1637 году: то и тогда нельзя было бы видѣть въ этомъ опроверженія сказанію Іерлича, и тогда протестаціи противъ Могилы, какъ вполнѣ гармонирующія съ характеромъ установившихся между нимъ и Исаіею отношеній,—подкрѣпляли бы означенное сказаніе. Если Могила могъ обращаться грубо и жестоко съ Исаіею въ 1635—1637 гг.,—то почему будетъ казаться не естественнымъ подобное обращеніе его съ тѣмъ же Исаіею въ 1633 г.?—Но г. Костомаровъ ошибается: въ приведенныхъ нами документахъ есть болѣе прямыя указанія, подкрѣпляющія достовѣрность извѣстій Іерличевой лѣтописи объ отношеніяхъ Могилы къ Копинскому. Кчумовскій упоминаетъ въ своей протестаціи о великихъ кривдахъ и опрессіяхъ Могилы по отношенію къ Исаіи, бывшихъ ранѣе 1635 года. *Не контентуючисъ*, говоритъ онъ, *першими великими*

кривдами и опрессіями какъ самому протестуючему, такъ законникомъ и челяди михайловскаго монастыря, Могила *на остатокъ*, началъ дѣлать нападенія на монастырскія маетности и т. д. Подобное же указаніе на опрессіи, чиненныя Могилою по отношенію къ Исаіи прежде нападеній на монастырскія имѣнія, есть и въ королевскомъ листѣ къ Могилѣ... Что же касается, собственно, до того, почему Кчумовскій не говоритъ въ протестаціи подробнѣе о первыхъ кривдахъ Могилы, не разъясняетъ, въ чемъ именно онѣ состояли, то это объясняется очень просто: цѣль означенной протестаціи была принести жалобу на самовольный захватъ Могилою михайловской обители (въ 1635 г.) и неблаговидные его поступки относительно Исаіи съ этого именно времени, къ чему же было многоглагольствовать о событіяхъ, не имѣющихъ къ дѣлу прямаго отношенія, событіяхъ, можетъ быть, въ свое время вполнѣ разъясненныхъ; достаточно было упомянуть объ нихъ въ общихъ выраженіяхъ.

Не думаемъ также мы, что тяжелое заключеніе и побои, нанесенные Исаіи Могилою, совпадаютъ съ насильственнымъ истребованіемъ отъ него квита. Припомнимъ, что означенный квитъ вытребованъ былъ у Исаіи въ дому луцкаго епископа Афанасія Пузины, въ присутствіи многочисленнаго духовенства; а поэтому неестественно допустить, чтобы Могила отважился варварски мучить Исаію (а томить его въ тяжоломъ заключеніи даже и физически было невозможно, такъ какъ Могила *примусилъ* Исаію квитовать его *во время свиданія*, въ дому Пузины) въ присутствіи цѣлаго сонма духовныхъ лицъ. Да ктому-жъ о заключеніи и побояхъ Исаіи не упоминаетъ и его повѣренный Кчумовскій, что онъ, въ интересахъ своего клiента, непремѣнно-бы долженъ былъ сдѣлать, еслибы онѣ совпа-

дали съ истребованіемъ отъ Исаіи квита. Поэтому, основываясь на выраженіи Исаіи Копинскаго—*od lat kilku*, всего естественнѣе видѣть въ его жалобѣ о тяжоломъ заключеніи и побояхъ указаніе на то извѣстіе о грубомъ обращеніи съ нимъ Могилы, которое нашло себѣ мѣсто въ лѣтописи Іерлича.

Въ своей статьѣ достовѣрность сказаній Іерлича, а также и другихъ памятниковъ, сообщающихъ извѣстія объ отношеніяхъ П. Могилы къ Исаіи Копинскому, мы, между прочимъ, подкрѣпляли и тѣмъ, что онѣ нисколько не противорѣчатъ характеру самаго Могилы. П. Могила, говорили мы, получивъ блестящее аристократическое образованіе и въ продолженіе всей своей молодости постоянно вращаясь въ кругу польской и западно-европейской знати, неизбѣжно долженъ былъ усвоить тѣ шляхетскія привычки и убѣжденія, которыя царили въ средѣ тогдашняго высшаго общества. Поэтому въ его дѣятельности мы находили много чертъ чисто шляхетскаго характера и указали, между прочимъ, на то, что онъ, имѣя въ своемъ распоряженіи много челяди, по примѣру польскихъ магнатовъ, нерѣдко дѣлалъ нападенія на имѣнія враждебныхъ ему личностей и производилъ въ нихъ громадныя опустошенія.

Г. Костомаровъ и съ этимъ не желаетъ согласиться. Указавъ на приведенную въ нашей статьѣ протестацію Вильямина Рутскаго (о наѣздѣ Могилы на имѣнія, находившіяся въ вѣдѣніи уніатскаго митрополита), онъ говоритъ, что этотъ документъ не можетъ вести ни къ какимъ заключеніямъ, такъ какъ онъ составляетъ жалобу одной стороны безъ объясненія другой, и при томъ митрополитъ Рутскій не заявилъ себя въ исторіи такими нравстсенными достоинствами, чтобы мы принимали на вѣру то, что слы-

шихъ отъ него о Петрѣ Могилѣ и на основаніи его словъ дѣлали выводъ о личности послѣдняго.

Но развѣ протестація Рутскаго единственный источникъ, свидѣтельствующій о склонностяхъ Могилы самоуправно расчитываться съ враждебными ему личностями? [1]) Пересматривая актовыя книги второй четверти XVII столѣтія, хранящіяся въ центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владиміра и кіевскихъ монастыряхъ, мы подобныхъ жалобъ на Могилу встрѣчали весьма много. Нѣкоторыя изъ нихъ даже напечатаны въ провинціальныхъ органахъ Такова, напр. протэстація пани Лузчинской на Могилу въ томъ, что онъ 7 іюня 1629 года наслалъ своихъ слугъ, которые моцно, кгвалтомъ армата ману (т. е. вооруженные) напали на ея маетности и произвели въ нихъ большія опустошенія (Кіев. губ. вѣд. 1870 г.) Такова жалоба кіевской подкоморичной пани Горностаевой на Могилу въ томъ, что онъ не только дѣлаетъ опустошительные наѣзды на ея имѣнія, раскидываетъ въ нихъ мосты и т. п; но и самую пани ругаетъ поносными словами и покушается на ея жизнь (ibid).

Намъ скажутъ—это все жалобы одной стороны. Но уже самое обиліе ихъ—явленіе весьма многозначительное и объяснять его, при томъ безъ достаточныхъ основаній, *клеветою* на Могилу *до крайности противно исторической критикѣ*.

Намъ скажутъ—за наѣзды Могилу винить нельзя,— это была общая болѣзнь вѣка, вина въ этомъ падаетъ на

---

[1]) Протестація Рутскаго приведена въ нашей статьѣ собственно для доказательства того, что уніатскія власти враждебно относились къ Могилѣ.

весь государственный строй а не на отдѣльныхъ лицъ.... Согласны. Но не выходитъ ли отсюда и то, что Могила подчинялся общему теченію жизни, не отрѣшался отъ сути шляхетско-польскихъ привычекъ,—не выходитъ ли отсюда и то, что въ поступкѣ Могилы съ Исаіею Копинскимъ нѣтъ ничего неестественнаго?

Мы не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ другихъ высказанныхъ нами стороною замѣчаніяхъ о Петрѣ Могилѣ, съ которыми не соглашается г. Костомаровъ (напр. о честолюбіи Могилы), потому что о нихъ мы надѣемся современемъ поговорить болѣе подробно въ особомъ сочиненіи, спеціально посвященномъ могилянской эпохѣ,—мы въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о взглядѣ нашемъ на Исаію Копинскаго.

Мы опять повторяемъ, что цѣль нашей статьи, помѣщенной въ »Православномъ Обозрѣніи« была не та, чтобы унизить Могилу и возвысить Исаію. Поэтому и въ настоящее время мы не имѣемъ особенной нужды ратовать за Исаію Копинскаго и смывать съ него тѣ нравственныя пятна, которыя желаетъ видѣть въ немъ г. Костомаровъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не замѣтить, что взглядъ нашего достоуважаемаго историка на Исаію Копинскаго черезъчуръ мраченъ. Правда, Исаія не принадлежалъ къ передовымъ людямъ своего времени и по развитію стоялъ несравненно ниже Могилы, но при этомъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ *безстыдный*, *отвратительный клеветникъ* и т. п. Что же касается до его усилій накинуть тѣнь на нравственныя качества Могилы, какъ лица склоннаго къ измѣнѣ православію (что особенно возмущаетъ г. Костомарова), то при этомъ не должно забывать того, что Исаія Копинскій, какъ человѣкъ, по своему образованію, характеру и взглядамъ рѣзко отличающійся отъ Могилы, крайне несочувственно относился къ мысли о сближеніи съ униатами, считая всякое матеріальное улучшеніе для православной церкви, могущее воспослѣдовать отъ сего сближенія,—*суетою суетъ*. Поэтому Исаіи естественно было излишне подозрительно смотрѣть на личности сочувствующія религіозному соглашенію съ унитами. Винить

его за это строго нельзя. А что П. Могила дѣйствительно не чуждъ былъ мысли о сближеніи православной церкви съ уніатскою,—это тоже не подлежитъ сомнѣнію. Смотрицкій отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ w mowie o Rzimskim kosciole y o dogmatum roznosci barzo lagodnieyszym; Зубрицкій, и не безъ основанія, думаетъ, что Могила склонялся къ проэкту польскаго правительства о примиреніи православныхъ съ уніятами, надѣясь, что онъ будетъ избранъ патріархомъ польской Руси; даже есть отзывъ папы, восхваляющій Могилу за сочувствіе уніонным стремленіямъ римскаго престола.

С. Голубевъ.

НЕКРОЛОГЪ.

20 іюня во время всенощнаго богослуженія скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни высокопр. Нилъ (Исаковичь), архіепископъ Ростовскій и Ярославскій. Покойный архипастырь—магистръ VI курса с. петерб. академіи съ 1825 г. и съ того же года инспекторъ черниговской семинаріи; съ 8 мая 1828 г. *инспекторъ кіевской академіи и баккалавръ богословскихъ наукъ;* съ сентября 1870 г. ректоръ ярославской семинаріи. Съ 1835 г. дек. 8 с. вятскій, съ 1837 апр. 23 е. иркутскій; съ 1850 апр. 13 архіепископъ; съ 1853 дек. 24 ярославскій. Въ ученомъ мірѣ покойный архипастырь былъ извѣстенъ, какъ знатокъ буддизма.

Печ. позвол. Кіевъ 26 Іюня. 1874 г. Цен. прот. **М. Богдановъ.**
Въ Типографіи аренд., С. Кульженко и В. Давиденко.